

Оптимистично

Министерство энергетики у себя на сайте опубликовало проект Программы развития угольной отрасли России до 2035 года. Документ предполагает несколько сценариев: как с падением, так и с ростом внутреннего потребления угля в ближайшие 15 лет. Какой из вариантов кажется вам более реалистичным и как на этом фоне вы оцениваете перспективы угольной генерации в России в горизонте до 2035 года, спросили мы у наших уважаемых экспертов.

ФЁДОР ВЕСЕЛОВ,
К. Э. Н., ЗАМЕСТИТЕЛЬ ДИРЕКТОРА
ИНСТИТУТА ЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ РАН (ИНЭИ РАН):

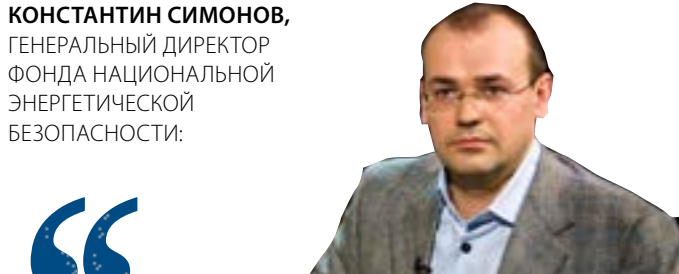

Уголь традиционно считается одним из ключевых энергоресурсов для энергоснабжения страны и важным элементом обеспечения энергетической безопасности. Заявлявшиеся цели по изменению цен на внутреннем рынке газа и ценовой пропорции «газ – уголь» не воплощаются в реальность, что создаёт серьёзные риски для угольной энергетики в долгосрочной перспективе (особенно с учётом расширения зоны доступности газа в восточных районах). Проекты реконструкции или строительства новых угольных электростанций, отвечающих современным экологическим требованиям, более капиталоемки, чем проекты в газовой генерации, и более низкая цена угля (в сравнении с газом) может быть их единственным конкурентным преимуществом. Переход к активной экологической политике дополнительно ухудшит экономические перспективы для угольных ТЭС.

Генсхемой электроэнергетики к 2035 году предусматривается рост потребления угля (в условном топливе) на 19–24% от 2015 года, хотя системных мер для решения этой задачи пока не предложено. Новый прогноз развития энергетики мира и России (ИНЭИ РАН и Энергоцентр МШУ «Сколково») даёт на 2040 год более осторожный диапазон: от роста на 7–9% до снижения на 20%. Перспективы экспорта угля также неоднозначны: к 2040 году ожидается как его рост (не более чем в 1,5 раза и только в консервативном сценарии), так и снижение в сценариях с экологически ориентированной перестройкой мировой энергетики.

В условиях долгосрочного ухудшения экономических перспектив для угольных ТЭС важно переосмыслить аргументы для их сохранения в ЕЭС России, в том числе исходя из требований энергетической безопасности. Для этого потребуются определить необходимую и достаточную степень диверсификации структуры генерирующих мощностей с учетом показателей надежности всех типов систем топливоснабжения и показателей надежности функционирования ЕЭС России, а также оценить затраты и ценовые последствия такой диверсификации с учетом ущерба у потребителей из-за системных аварий. Поддержание и тем более повышение энергетической безопасности имеют свою, и немалую цену, и государству потребуются найти устойчивый баланс между приоритетами своей долгосрочной ценовой и инвестиционной политики в электроэнергетике.

КОНСТАНТИН СИМОНОВ,
ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ДИРЕКТОР
ФОНДА НАЦИОНАЛЬНОЙ
ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ:

В последнее время в России достаточно активно развивается так называемая климатическая повестка. Нас убеждают в том, что мир стоит на пороге «энергетического перехода». И что вопрос уже решен: углеводородам место на свалке истории, а уже через считанные годы мировая энергетика будет работать на ветре, солнце, водороде и прочих источниках энергии, которые принято называть зелёными, или возобновляемыми. Понятно, что эту философию придумали европейцы, давно уже импортирующие уголь, нефть и газ. И поэтому пытающиеся найти им альтернативы. Правда, есть один маленький нюанс. Стоимость зелёной генерации, какие бы сказки нам ни рассказывали, в Европе остаётся выше, чем традиционной энергетики. Везде «зашиты» субсидии в разных формах. И не удивительно, что в странах, где доля зелёной энергии наиболее высока, самые высокие тарифы и для населения, и для промышленности.

Но вот что интересно – вопросы отказа от углеводородов начинают подниматься и у нас. Нам предлагают стать частью «цивилизованного человечества» и быстрее отказаться от углеводородов, в первую очередь – от угля. Возникает вопрос. Если в мире складывается система дискредитации нашего основного экспортного товара, должны ли мы в этом участвовать? В мире, где почти 2 млрд человек вообще не имеют доступа к электричеству, предлагать заведомо дорогие способы его генерации – это очень спорный путь, если не сказать более. Что же касается экологии, то бороться надо не с углём, а с архаичными способами его производства.

Поэтому сегодня борьба за возможность производить углеводороды на самом деле важна и в планетарном масштабе, просто не все это понимают. Кстати, потребление «умирающего» угля в мире за последние 10 лет выросло почти на 8%. На встрече Владимира ПУТИНА с главами угледобывающих регионов накануне Дня шахтёра говорилось про развитие угольной отрасли по двум вариантам: первый вариант предусматривает рост добычи угля от текущих 440 миллионов тонн добычи до 550 миллионов тонн к 2035 году, а второй – до 670 миллионов тонн. Эти цифры зафиксированы в официальных документах. И такие планы разумны. Потому что исходить надо всё же из страновых интересов, а не чужой повестки, в которую нас пытаются затащить.

VS Консервативно

**АЛЕКСАНДР
КОВАЛЬЧУК,**
ПРЕДСЕДАТЕЛЬ
СОВЕТА ДИРЕКТОРОВ
ООО «ИНСТИТУТ
КОНЪЮНКТУРЫ
РЫНКА УГЛЯ»:

АЛЕКСЕЙ ЖУРА, ГЕНЕРАЛЬНЫЙ
ДИРЕКТОР ООО «ИНКРУ»:

Технически угольная отрасль России может нарастить объёмы добычи угля по обоим сценариям. Реализация оптимистичного сценария предусматривает полномасштабное развитие угледобычи в новых регионах – районах Крайнего Севера, Республике Тыва, месторождениях Дальнего Востока (Огоджинском, Сугодинском). Но рост объёмов угольной генерации возможен только при активном строительстве угольных ТЭС и энергоблоков. При текущих соотношениях цен на газ и уголь энергетики отдадут предпочтение более экологичной, менее капиталоемкой газовой генерации. В «Программе» рассмотрено два сценария – и развитие по «оптимистичному» для угольной промышленности сценарию в части увеличения внутреннего потребления сможет идти только при устойчивом изменении соотношения цен на уголь и газ. С учётом планов по газификации российских регионов масштабного увеличения потребления угля на сегменте «комбыта» ждать не приходится. При этом сохраняется устойчивый спрос на уголь в регионах, традиционно потребляющих уголь, – в Кемеровской области, Хакасии, Алтайском крае, на юге Красноярского края и в других. С реализацией новых проектов газопроводов и освоением газовых месторождений в некоторых регионах Восточной Сибири и Дальнего Востока, с традиционно ориентированной на уголь энергетикой, может также сформироваться тенденция замещения угля газом, что создаёт дополнительные риски для угольной отрасли.

Что касается экспорта российского угля, он уже значительно вырос за последние 5–10 лет и ограничивается на восточном направлении в основном транспортной инфраструктурой. Если посмотреть стратегии развития отдельных угольных компаний, то большинство производителей рассматривают своё развитие, опираясь на экспортную составляющую. В то же время падение цен в этом году на европейском рынке показало границы поставок уже по экономическому фактору. Поэтому для сохранения и увеличения доли российского угля на мировом рынке угольным компаниям необходимо обеспечивать конкурентоспособность продукции в условиях жёсткой конкуренции с Австралией, Индонезией и ЮАР. Этому способствует освоение новых месторождений на востоке страны, с менее высокой транспортной составляющей, характерной для угля Кузбасса.

Экспортные поставки коксующегося и PCI-угля более маржинальные, и они будут расти. Перспективы поставок энергетического угля будут во многом зависеть от экологической политики стран АТР и темпов развития альтернативной энергетики. Наиболее чувствительным является сегмент энергетического угля с невысокой калорийностью (5500 ккал/кг). Для данного угля вес логистической составляющей в цене выше и колебания цены на уголь более существенно влияют на эффективность продаж.